

Л і т е р а т у р а :

1. *Белянин В. П.* Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя: Монография / В. П. Белянин. – М. : Генезис, 2006. – 320 с.
2. *Боронин А. А.* Феномен непонимания и интерпретация художественного текста / А. А. Боронин // Вопросы психолингвистики. – 2006. – № 4. – С. 134–142.
3. *Боронин А. А.* Психосемиотические метаморфозы в словесной коммуникации / А. А. Боронин // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 10. – С. 133–139.
4. *Боронин А. А.* Понятие стиль в психолингвистическом освещении / А. А. Боронин // Вопросы психолингвистики. – 2010. – № 11. – С. 59–64.
5. *Бутакова Л. О.* Интерпретация художественного текста: поэтика “с человеческим лицом”, “усредненным” сознанием или поэтика без “лица” и “сознания”? в рамках когнитивной поэтики / Л. О. Бутакова // Вопросы психолингвистики. – 2004. – № 1. – С. 57–63.
6. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. :Рус.яз., 1987. – 750 с.
7. *Пелевин В. О.* Священная книга оборотня / В. О. Пелевин. – М. : Эксмо, 2009. – 416 с.
8. *Романов Д. А.* Психолингвистическое обоснование эмоциональной идентификации / Д. А. Романов // Вопросы языкознания. – 2005. – № 1. – С. 98–107.
9. *Сущность* // Современный толковый словарь русского языка Ефремовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/251927>
10. *Холодная М. А.* Психология интеллекта. Парадоксы исследования / М. А. Холодная. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2002. – 272 с.

Акимова Н. В. Некоторые особенности понимания дефектных языковых единиц

В статье рассматривается проблема понимания дефектных языковых единиц, функционирующих в художественном тексте. Предложенная модель понимания текста (как нормального, так и дефектного) проиллюстрирована на примерах из постмодернистской литературы.

Ключевые слова: дефектные, аномальные языковые единицы, понимание, интерпретация, рецепция, психолингвистика.

Akimova N. V. Some features of understanding of imperfect linguistic units

The problem of understanding of imperfect linguistic units, that used in an artistic text is examined in the article. The offered model of understanding of text (normal and imperfect) is illustrated on examples from postmodern literature.

Keywords: imperfect, anomalous linguistic units, understanding, interpretation, reception, psycholinguistics.

Алёшин А. С.

**Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций (Россия)**

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ШВЕДСКИХ
УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЧЕЛОВЕКА,
НА ФОНЕ РУССКОГО ЯЗЫКА**

В статье выявляется значимость отдельных фрагментов языковой картины мира, вербализованных при помощи устойчивых сравнений, для носителей двух языков, сравнивается система образов-эталонов устойчивых сравнений и стереотипных представлений в шведском и русском языках.

Ключевые слова: устойчивое сравнение, лингвокультурологический анализ, эталон, языковая картина мира, менталитет, национально-культурная специфика.

В устойчивых сравнениях (УС) национального языка, как и в других языковых единицах, фиксируется мировидение народа. При этом фразеологическая картина мира отличается большей консервативностью, что обеспечивает преемственность и

стабильность национальных представлений, вербализованных в УС. Лингвокультурологический анализ шведских устойчивых сравнений на фоне русского языка позволяет выявить типичные для шведской культуры эталоны сравнения и вербализованные стереотипные представления.

Активное теоретическое осмысление компаративной фразеологии началось в советском языкознании в 60-е годы XX в. В последующие годы УС исследовались в разных аспектах [см. 1]: в структурно-типологическом, в когнитивно-функциональном, лингвокультурологическом, этнолингвистическом, психоллингвистическом, коммуникативно-прагматическом. Значительное количество работ посвящено сопоставительному изучению УС в родственных и неродственных языках. Следует отметить, что в лингвокультурологическом аспекте УС на настоящий момент практически не исследованы, можно назвать лишь единичные работы [например, 2].

УС шведского языка до сих пор не являлись самостоятельным объектом анализа в диссертационных и монографических исследованиях, их рассматривали лишь в связи с проблемами лексикографирования [5], в связи с выделением различных типов метафор [4, 6] и в сопоставительном аспекте наряду с другими типами фразеологизмов английского и немецкого языков [3].

Целью данного исследования явилось выявление национально-культурных особенностей шведских УС, характеризующих человека, на фоне их аналогов в русском языке. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: 1) сопоставить набор и объем идеографических полей УС в двух языках; 2) провести анализ эталонов УС шведского и русского языков; 3) определить участки большей и меньшей номинативной плотности в исследуемом фрагменте языковой картины мира шведов и русских.

В результате сплошной выборки материала из фразеологических словарей шведского языка было выделено 410 УС, характеризующих человека, которые были распределены по идеографическим полям (далее – ИП), идеографическим разрядам (ИР) и идеографическим группам (ИГ). Было выделено 14 ИП. Идеографическая классификация объектов сравнения в шведском языке на фоне русского языка показала, что, несмотря на отдельные лакуны, основные тематические группы УС шведского языка совпадают с тематическими группами УС русского языка, т.е. совпадают те фрагменты языковой картины мира, которые характеризуются с помощью УС. Вместе с тем впервые представленная классификация УС шведского языка убедительно свидетельствует о том, что прямой связи между выделяемым этнологами и культурологами набором черт шведского менталитета и языком установлено быть не может.

Не представлены в шведском языке такие идеографические поля, как “Образ жизни, жизненные условия, обстоятельства” (в русском: *жить как белый человек, крутиться как бобик, жить как на вулкане, жить как в хлеву*) и “Мысли, чувства, представления” (в русском: *поразить как гром/громом, оглушить как обухом <по голове>, подействовать на кого-л. как холодный душ, преследовать кого-л. как кошмар/кошмарный сон; озарить, блеснуть как молния* (о внезапной мысли)). Разумеется, данные идеографические разряды представлены в шведской ментальности, в картине мира народа, т.к. эти идеи являются универсальными для всех людей, но это не вербализовано при помощи УС, т.к. не все черты менталитета находят отражение в языке. По этой же причине среди шведских УС отсутствуют единицы с основаниями сравнения *одинокий, завистливый, меланхоличный* (черты национального характера, которые отмечают у себя сами шведы).

Детальному лингвокультурологическому анализу подверглись 248 УС шведского языка, входящих в наиболее объемные ИП “Внешность”, “Поведение” и

“Эмоциональные состояния”.

Особенно часто выделяемая в научной литературе черта шведского менталитета – любовь к природе – казалось бы находит отражение в использовании в качестве эталонов УС наименований животных, растений, природных реалий. Но эти же тематические группы выделяются и в других языках, являются универсальными в силу того, что это наиболее древние УС, возникавшие в то время, когда человек пытался идентифицировать себя на фоне окружающего мира. На наш взгляд, национально-специфичным в данном случае является не сам факт использования эталонов тематических групп, описывающих природу, а более детальное “прорисовывание” тех или иных фрагментов картины мира языковыми средствами. Так, шведы очень наблюдательны в отношении домашних животных. Среди эталонов-зоонимов УС шведского языка присутствуют наименования разных пород собак: *овчарка*, *пудель*, *терьер*. Каждая из этих пород наделяется своим качеством, например, терьер – упрямством, яростью; пудель – умом.

В ходе анализа были определены участки большей и меньшей номинативной плотности в шведском языке на фоне русского, что говорит о значимости этих фрагментов картины мира для носителей шведского языка. Например, для шведов в целом более важна общая оценка внешности человека, а УС с общей пейоративной оценкой внешности человека в шведском языке в 3 раза больше, чем в русском. Было выявлено также “значимое отсутствие” определенных фрагментов для шведского менталитета и языковой картины мира шведского языка. Например, характеристика с помощью УС растительности на лице, особенно бороды, в меру упитанного человека, стройного человека, униженного и легкомысленного поведения, прибытия кого-либо точно в срок (что зафиксировано русскими УС). Если в русском языке специально маркируется поведение достойное мужчины (*как настоящий мужчина*), недостойное мужчины (*как баба*) и взрослого человека (*как мальчишка*), то в шведском языке это не является значимым.

Национальная специфика проявляется также в различной расстановке акцентов внутри одних и тех же объединений УС шведского и русского языков. Так, при описании волос на голове шведские УС фиксируют только их жесткость, а русские УС отмечают еще несколько параметров – способность виться, мягкость, спутанность и др. С точки зрения цвета, шведские УС отмечают только бледность или красноту лица. Характеристика рук человека шведскими УС предполагает прежде всего описание таких признаков, как сила и быстрота рук. В описании человека УС шведского языка акцентируют внимание только на ее прямизне. Шведские УС отдельно не характеризуют стройность фигуры человека, а также в меру упитанного человека, как русские. Важным для шведского языкового сознания оказывается только соответствие “норме” объема тела, поэтому номинируется только отклонение от нее – чрезмерная полнота или худоба. В шведском языке шире, чем в русском, представлены УС, характеризующие в целом недостойное, глупое и агрессивное поведение. УС, описывающие назойливое, заносчивое и трусливое поведение не отличаются номинативной плотностью в шведском языке в отличие от русского.

Безэквивалентными относительно русского языка являются такие ИГ шведских УС ИП “Эмоциональные состояния”, как “чувствовать себя прекрасно”, “испытывать чувство стыда”, “уйти в себя”, “чувствовать себя испуганным”, “находиться в подавленном эмоциональном состоянии”, “чувствовать себя не таким как все, ненужным”, “чувствовать себя в глупом положении”, “изменение эмоционального состояния”, “чувствовать себя в растерянности”, “внешнее проявление растерянности”, “проявление возбужденного эмоционального состояния”. Данный факт позволяет

опровергнуть мнение этнокультурологов о том, что для шведского менталитета не характерен интерес к человеку и его психологии.

Национально-культурная специфика шведских устойчивых сравнений обнаруживается как в плане выражения, так и в плане содержания. В плане выражения – в наличии в их составе особых культурных маркеров (безэквивалентных слов-реалий, топонимов, мифологем и т.д., например, *ngn skiner som solen i Karlstad* (кто-л. светится как солнце в Карлстаде), *ngn är ful som ett troll* (страшный как тролль), требующих этимологического или историко-культурного комментария при их переводе. В плане содержания – в денотативной соотнесенности образа-эталона сравнения и сопутствующих ему коннотациях, которые и отражают “национальный колорит” сравнения (например, *ngn är pigg som en mört* (кто-л. бодрый как плотва), *ngn är ilsken som en dogg* (кто-л. злой как дог)).

Выбор эталона сравнения в то же время зависит от обиходно-культурного опыта членов определенного языкового коллектива, поэтому стереотипные представления о носителях того или иного качества в разных языках чаще всего не совпадают (например, шведское УС *ngn arbetar/ligger i som en iller* (кто-л. работает как хорек) и русские *злой как хорёк, зубы острые как у хорька, вонючий как хорек*).

Лингвокультурологическую значимость эталонов УС шведского языка на фоне русского представим на примере УС, характеризующих внешность человека:

1. Полностью совпадающими эталонами в двух языках являются: при описании фигуры человека: *ett klot, en tunna, ett skelett, en stång, en giraff, en sticka* (шар, бочка, скелет, шест, жираф, щепка); при описании белого цвета лица: *ett lik, döden* (мертвец, смерть); при описании красного цвета лица: *en ros, en kräfta, en pion* (роза, рак, пион); при описании походки: *en anka, en drucken* (утка, пьяный).

2. Лакунарной относительно русского языка является группа шведских эталонов-наименований геометрических понятий: *en prick* (точка), *ett klot* (шар), *ett streck* (полоска); а лакунарной относительно шведского языка – группа русских эталонов-наименований тканей и нитей: *шелк, лен, войлок, пакля, пух*.

3. Родо-видовые отношения наблюдаются между шведским гиперонимом *fet som ett svin* (толстый как свинья) и русскими гипонимами *толстый как кабан, как боров, как поросёнок*.

4. Различаются некоторые эталоны, служащие основанием сравнения по одному и тому же признаку. Так, эталон голубого цвета глаз в шведском языке – *en fiol* (фиалка), а в русском – *васильки*; эталон глубины глаз в шведском – *en brun* (колодец), а в русском – *озеро*.

5. Различаются основания сравнения при наличии одного и того же эталона: *ögon som en ko* (глаза как у коровы) для шведов – только ‘большие глаза’, а *som pärlor* (как жемчужины) характеризует маленькие глаза, тогда как в русском – *глаза как у коровы* – ‘ничего не выражающие’, *глаза как жемчужины* – о сияющих, красивых глазах.

6. Национально-специфичными эталонами шведского языка являются *ladugårdsdörr* (дверь на скотный двор), *ett dasslock* (крышка в деревенском туалете); мифологемы: *ett troll* (тролль), *en bortbyting* (сын тролля), *en tomte* (гном); артефакты: *en Moraklocka* (часы из Муры) (*rak som en Moraklocka* – прямой как часы из Муры). Национально-специфичные эталоны русского языка – это устаревшие меры длины: *аршин, коломенская верста*; хозяйственно-бытовые реалии: *самовар*; мифологемы: *баба-яга, Кощей, леший, русалка*; названия лиц духовного звания: *дьякон, поп, монах*.

Обращает на себя внимание “значимое” для характеристики шведского менталитета отсутствие в шведском языке таких эталонов УС ИП “Эмоциональные состояния”, в большом количестве представленных в русском, как обозначение

болезненного состояния – *бред, горячка, хмель, угар*; обозначение лица, находящегося в аномальном состоянии – *пьяный (хмельной), очумелый, ошалелый, помешанный* и др.

При наличии общих эталонов УС в двух языках наблюдается разница в аксиологической оценке: так, УС с эталоном *фурия* положительно оценочно в шведском языке – *ngn k  mpar som en furie* (кто-л. сражается как фурия) и отрицательно – в русском – *бросаться / броситься (наброситься, накидываться / накинуться)* на кого как [*разъяренная*] *Фурия*.

Таким образом, в результате исследования было выявлено, что национально-культурные особенности шведских устойчивых сравнений, характеризующих человека, на фоне русского языка проявляются в наборе и большем или меньшем объеме идеографических объединений, релевантности/нерелевантности для шведского языкового сознания оснований УС, системе образов-эталонов УС.

Дальнейшее выявление особенностей семантики, функционирования, культурной маркированности и мотивированности шведских УС на фоне их соответствий в русском языке позволит более полно судить о некоторых чертах шведского мировосприятия, нашедших отражение в этих языковых единицах.

Л и т е р а т у р а :

1. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии. – Краснодар : Кубанский ун-т, 1999.
2. Подхомутников В. Г. Лингвокультурологические особенности устойчивых сравнений в русском и английском языках: (на примере идеографического поля “Внешность”) : автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Омск, 2002.
3. Федулёнок Т. Н. Фреймовые модели симилятивных фразеологизмов в германских языках (на материале английского, немецкого и шведского языков) // Проблемы культуры, языка, воспитания. – Архангельск, 2006. – С. 196-207.
4. Allwood J. Naturen som metaforf  lt // Naturen som symbol. – Stockholm, 1983. – S. 1-18.
5. Claus  n U. J  mf  relsekonstruktioner i Svensk konstruktionsordbok – struktur, variation och funktion // Nordiske studier i leksikografi 6, Skrifter udgivet af Nordisk forening for leksikografi. – Torshavn, 2003. – S. 75-85.
6. Svanlund J. Metaforer som konvention. Graden av bildlighet i svenskans vikt- och tyngdmetaforer. – Stockholm : Almqvist & Wiksell, 2001.

Альошин А. С. Л  нговокulturолог  чний анал  з шведських ст  йких пор  внянь, що характеризують людину, на тл   російської мови

У статт   виявляється значим  сть окремих фрагмент  в мовної картини св  ту, вербал  зованих за допомогою ст  йких пор  внянь, для нос  їв двох мов; пор  внюється система образ  в-еталон  в ст  йких пор  внянь    стереотипних уявлень у шведському та російському мовами.

Ключов   слова: стал   пор  вняння, л  нговокulturолог  чний анал  з, еталон, мовна картина св  ту, ментал  тет, на  ціонально-культурна специ  фика.

Alyoshin A. S. Linguocultural analysis of Swedish sustainable comparisons characterizing human (against the background of the Russian language)

The article highlights the significance of individual fragments of the language world picture to speakers of two languages. These fragments are verbally identified by using sustainable comparisons. In addition the author compares Swedish and Russian standard comparisons and stereotypes.

Keywords: sustainable comparison, linguocultural analysis, standard, language world picture, mentality, national cultural specificity.